(cc) BY

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Голобородько Андрей Юрьевич
канд. филол. наук, доцент, заместитель директора
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область
Голобородько Ирина Эдуардовна
заместитель директора
МБОУ «Сухо-Сарматская СОШ»
с. Андреево-Мелентьево, Ростовская область

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПЛАТФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация**: в рамках статьи позиционируется точка зрения, в соответствии с которой инструментарий государственной культурной политики, аккумулирующий мощный защитно-охранительный потенциал культуры России, является эффективным фактором оптимизации возможностей диалога общества и государства, продуктивным управленческим ресурсом экономического и социально-культурного развития и предпосылкой формирования релевантного ценностно-целевого континуума жизнедеятельности конкретного человека в гражданско-цивилизационном измерении его идентичности. В работе представлено описание возможностей позиционирования в общественном сознании (в частности, в «тексте» педагогического дискурса) антикультурной и античеловеческой природы идеологем «фашизм» и «неофашизм» как социальных угроз и опасностей.*

***Ключевые слова**: государственная культурная политика, технологии управления, объединяющие ценности, диалог социальных систем, культурное просветительство, лингвокультурные концепты.*

Способность предвидеть будущее, т. е. строить его образ в сознании – свойство разумного человека. Без предвидения нет проектирования будущего, а значит, и строительства новых социальных форм, а без этого строительства общество не может существовать в меняющемся мире.

Как писал П. Бурдье, предвидение создает «возможность социальный мир, меняя представление об этом мире». Предвидение будущего предполагает «когнитивный бунт, переворот в видении мира», а это – необходимая предпосылка для политического действия [1, с. 350].

В рамках настоящей статьи рассмотрим актуальность и востребованность деятельности (в рамках содержательного, в формате системного диалога, партнерства общества и государства), направленной на поиск релевантных моделей построения в настоящем форм «социального» будущего России в контурах государственной культурной политики как когнитивно-технологической платформы, призванной аккумулировать мощный уникальный культурно-охранительный потенциал России в практике государственного управления.

В ряде наших предыдущих работ [2] нами описаны содержательные и атрибутивные составляющие разрабатываемого в парадигме политологической инноватики как компонента сферы социально-гуманитарных инноваций нового поколения (являющейся по своей природе инструментом «погружения» в суть вещей, а не догматизатором и интерпретатором внедренных теорий) методологического конструкта в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в контексте факторного обеспечения национальной безопасности современной России.

«Фоном» для разработки нашего конструкта выступает подписанный в декабре 2014 года Указ Президента РФ об «Основах государственной культурной политики»; в Документе, в частности, отмечается «… перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития. Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в

человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса» [3].

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение; осуществляется рассмотрение контента государственной культурной политики в контексте факторов и условий развития «культуроцентричных» парадигм функционирования и измерения отечественной системы образования; реализуется многофакторный анализ лингвокультурологического измерения «мягкой силы»…

Не секрет, что мировая практика свидетельствует о том, что именно культура сегодня способна стать ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических факторов [4]. «Человек создан (преображен из животного) миром культуры. Первое дело культуры – заставить и научить нас быть людьми. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его…» [5, с. 255].

На сегодняшнем (часто называемом «бифуркационным» [6, с. 183], этапе развития мирового сообщества все более активно и обоснованно «звучат голоса» как отечественных, так и зарубежных исследователей, постулирующих мысль о необходимости поиска адекватного инструментария оптимизации возможностей «сбалансировать экономическое и социально-культурное измерение бытия человека» [7]; иными словами, речь идет о целесообразности поиска ресурсов, выходящих за рамки только экономических (количественных) показателей развития, – ресурсов качественного, культурного, порядка.

… Известный британский экономист немецкого происхождения Эрнст Шумахер, размышляя о месте и роли человека в эпоху доминирования «экономического мышления», доказал, что одним из базовых условий развития человечества является умение построить отношения на основе принципов мира и добра, причем не только с людьми, но и с природой [8]. А выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев, рассуждая о феноменах «культура» и «цивилизация», указывал на то, что «... когда в массах человеческих слишком распространяется жадность к «жизни», тогда цель перестает полагаться в высшей духовной культуре, которая всегда в качествах, а не в количествах. Цель начинает полагаться в самой «жизни», в её практике, в её силе и счастье. Культура перестает быть самоценной» [9].

Считаем, и «подсказки» Э. Шумахера, и размышления Н.А. Бердяева весьма актуальны в наше время многообразных, противоречивых, сложных процессов в экономике и социальной сфере, при которых новые стимулы и мотивы поведения человека, многообразие средств связи и форм общения резко меняют образ привычной индустриально-конвейерной цивилизации и формируют новые ориентиры деятельности человека информационного общества. Человек 21-го века оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем», жизнь становится непредсказуемой, а восприятие действительности – эмерджетным [10, с. 181–183]; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным; люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов… жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений – человеческие сообщества становятся краткоживущими, а социальная структура – размытой [11, с. 27–29].

Но естественная антропоэволюция нервной системы не подготовила сознание человека к таким темпам информационно-интернетовского наваждения. Сегодня сознание человека и обеспечивающая его функционирование физиологическая архитектоника головного мозга, интеллектуальной, эмоциональной и физиологической встряске, по силе и размаху неведомой ни одному из прежних этапов всемирной истории, что, в свою очередь, открывает широкое поле для психологических и политических спекуляций…[12]

В этих условиях, по мнению ряда авторитетных российских исследователей (О.Н. Козлова, О.Н. Астафьева), особая надежда возлагается на роль диалога в развитии социальных систем: диалогичность рождается в поиске нового без разрушения старого, в стремлении к взаимопониманию; фактически речь идет о необходимости создания условий для обеспечения серьезных изменениях в образе мышления и поведения людей, конструиировании установок на поиск объединяющих ценностей… использование которых способно обеспечить формирование настоящего через знание будущего [13, с. 197–198].

Полагаем, позиционируемый нами инструментарий в виде государственной культурной политики, аккумулирующий мощный защитно-охранительный потенциал уникального культурного наследия России, может и должен стать эффективным фактором оптимизации возможностей диалога органов власти и институтов общества в сфере «строительства» комфортной социально-экономической среды современной России, выступая одновременно продуктивным управленческим ресурсом экономического и социально-культурного развития и предпосылкой формирования релевантного ценностно-целевого континуума жизнедеятельности конкретного человека в гражданско-цивилизационном измерении его идентичности.

В прикладном аспекте развитие системы диалога общества и государства с целью совместного формирования качественных (на основе культурно-ценностного потенциала) ресурсов экономического и социально-культурного развития (функционирование которых, в нашем понимании, должно происходить в фор-

мате взаимодополнительности и взаимообусловленности) может осуществляться посредством разработки и реализации программ культурного просветительства, содержательное наполнение которых обеспечивается концептуализацией ценностей как механизмом культурного строительства (В.Э. Багдасарян, например, выделяет следующие вопросы культурного строительства: что есть добро и зло? что есть человек? кто такие мы? куда мы идем, в чем наш идеал? откуда мы пошли, в чем наше прошлое? почему мы лучше, в чем наша правда? [14].

Культурное просветительство способно выступить одним из факторов сознательного определения личностью своего отношения к национальному культурно-ценностному ядру с его последующей интерпретацией в «созидательно-положительном коннотативном контексте»; ведь «человек (в терминологии С.Л. Рубинштейна [15]) есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему… для человека как личности фундаментальное значение имеет сознание, не только как знание, но и как отношение».

Серьезная, целенаправленная, совместная работа общества и государства по внедрению культурно-просветительского контента в «текст» современного дискурса социальных коммуникаций (интересным в этом контексте представляется «поле» современного педагогического дискурса как естественная среда культурного просветительства) может и должна обеспечить, с одной стороны, расширение пространства трансляции в обществе базовых оснований национальной культуры, а, с другой, – выступить инструментом противодействия усилиям, предпринимаемым определенными силами (как «внутренними», так и «внешними») по подрыву её ценностного ядра посредством дезавуирования прежних героев, формирования комплекса национальной неполноценности, трансляции ложных (априори) для конкретной культурной общности ценностей и др. [16]

Как известно, носителями и распространителями ценностей в лингвокультурном пространстве социума являются лингвокультурные концепты. Лингвокультурный концепт (как базовая единица лингвокультурологической концепто-

логии, исследовательское поле которой формируется трихотомией «язык-сознание-культура») отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [17].

В качестве примера рассмотрим концепт «антифашизм» и релевантные, на наш взгляд, технологии его трансляции в современном педагогическом дискурсе как неотчуждаемой социокультурной ценности, активное позиционирование которой призвано обеспечить «обнуление» смысловых «маркеров» жизнеспособности антикультурных идеологем «фашизм» и «неофашизм» как социальных угроз и опасностей.

Любое теоретическое исследование в области наук об обществе имеет как минимум две этико-педагогические задачи. Первая отдалена от непосредственного прагматического ориентира и эксплицируется как призванная обогатить общечеловеческий опыт новым знанием, сформулированная стремлением улучшить жизнь, избежать повторения ошибок прошлого. Вторая связана с непосредственным формированием знаний, когда результаты исследования могут быть использованы в учебно-педагогическом процессе. Именно эта задача приближает исследование к конкретной научно-педагогической деятельности, когда его результаты практически мгновенно становятся неотъемлемой частью каждодневного педагогического движения.

В этой связи изучение фашизма и неофашизма в различных курсах, в частности, в рамках высшей школы, представляется не только важным аспектом с точки зрения приобретения знаний, но имеет серьезное этическое значение, поскольку способно сформировать твердую гражданскую позицию, уважение к собственной истории, навыки практической ориентации в современном обществе. Важным представляется, в контексте изучения современных общественно-культурных и духовных процессов и тенденций, выявить сущность фашизма и

неофашизма, эксплицировать причины происхождения фашизма и неофашизма, их отличия и сходства, и, безусловно, угрозу, которою они собой представляют.

Методологически и методически именно отличия фашизма и неофашизма, на наш взгляд, при безусловном изучении сущности фашизма, являются наиболее существенным аспектом. Ведь, говоря об этом, следует помнить, что неофашизм есть не только феномен новейшей истории и культуры, это фактическое попрание общечеловеческого опыта и издевательская насмешка над недавними глобальными трагедиями человечества.

Суммарный результат сравнительного анализа фашизма и неофашизма способен к привести к пониманию следующего: а) неофашизм существует и распространен весьма широко, в том числе и странах, понесший наибольший ущерб в войне с мировым фашизмом; б) неофашизм не является абстрактным культурно-политическим явлением, а наследует все основные доктрины фашизма классического, несет не меньшую опасность, его потенциал представляется не менее разрушительным.

В рамках противодействия неофашизму как угрозе важным представляется именно когнитивный аспект – необходимо всестороннее знание об этом явлении, позволяющее четко фундировать его цели и смысл.

Как известно, важнейшей политической особенностью, раскрытой в свое время английским исследователем Р Гриффином, является «группускулярность» современного неофашистского движения. Термин происходит от понятия «группа», а в своей производной форме напоминает широко известное понятие «группускула» – «небольшая, связанная с внешним миром и родственными явлениями лишь опосредованно группа. Самодостаточное подпольное объединение политического характера» [18].

К сожалению, сегодня в ряде стран фашистские группускулы открыто представлены в политической системе и имеют возможность влиять на государственную политику и формирование политической культуры; именно эта тенденция представляет собой реальную опасность для развития общества и функционирования государства.

В этой связи чрезвычайно актуальным представляется применение результатов исследований неофашизма в научно-педагогической деятельности, манифестируемых в рамках культурного просветительства и образовательной практики: диапазон применения этого инструментария достаточно широк; в области философии, культурологии и социологии требуют дополнительного освещения, в рамках регулярных курсов, такие темы как «Культурно-философская концепция фашизма», «Расовое учение как альтернатива культурно-исторического развития», «Фашизм и современный мир», «Структура и принципы организации неофашистского политического движения», «Поведенческие стереотипы движения неофашистов», «Место неофашизма в современных молодежных субкультурах» и др.; в сфере политологии целесообразным представляется интегрирование в авторские курсы вопросов об особенностях структуры и политического движения фашистов и неофашистов, о классификации движений и политических режимов фашистского толка, о политической парадигме фашизма и неофашизма, о современном состоянии неофашистских движений и их активности и влиянии на политические процессы.

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве педагогического дискурса потенциала аккумулированных в лингвокультурном концепте «антифашизм» ценностей носит в значительной степени условный и предварительный характер, считаем, что предлагаемый инструментарий позволяет продемонстрировать специфику исторической памяти и ценностных предпочтений лингвокультурной общности в синхронии и диахронии, способствуя, в том числе, десемантизации анти/инокультурных идеологем.

В заключение отметим, что одной из распространенных технологий управления в современном мире является «мотивационное управление», предусматривающее активное «обращение» к факторам психологического воздействия и использующее технологии программирования поведения человека [19]; в этой связи проблема сознания человека выходит на авансцену политического строительства, экономической организации и социокультурной жизнедеятельности в

условиях, при которых «неизменным свойством современного мира становятся сами изменения» [20, с. 95].

Именно поэтому разработка и реализация, посредством позиционируемого нами инструментария государственной культурной политики, программы культурного просветительства, целевым ориентиром которой является акцент на создание «мотиваторов» для содержательного осмысления человеком информации о культурных ценностях (в противовес тенденции формирования «клочковости его тезауруса» в информационном океане) является релевантным фактором оптимизации условий для активной работы его сознания, рефлексии, формирования отношений и др., что, в значительной степени, выступает гарантом построения в настоящем модели (как микро-, так и макроизмерениях) «социального» будущего России.

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч. II: Курс лекций. – М.: Научный эксперт, 2012. – 384 с.

2. Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика России: к вопросу о ценностном измерении нациестроительства // Вестник ПАГС №46 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/vestnik-46.php (дата обращения 5.06.2015.)

3. Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина №808. Цитируется п. 2.1 Документа.

4. Kristeva J. L'avenir des identities culturelles et linguistiques // Actes des XXX-e rencontres internationals de l'Alliance francaise. – Paris, 2008. – P. 85–97.

5. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч. II: Курс лекций. – М.: Научный эксперт, 2012. – 384 с.

6. Музыка О.А. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.

7. Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.

8. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Пер. с англ. и примеч. Д.О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 39.

9. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре/ Смысл истории. – М.: Изд-во «Мысль», 1990. – С. 164.

10. Музыка О.А. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.

11. Якунин В.И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа: Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.

12. Андреев И.Л. Современные представления о человеческом сознании: Материалы научного семинара. – Вып. №4. – М.: Научный эксперт, 2012. – 176 с.

13. Музыка О.А. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.

14. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России www.cnsr.ru. Доклад В.Э. Багдасаряна 6.05.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/ (дата обращения 25.05.2015.)

15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957. – С 312.

16. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России www.cnsr.ru. Доклад В.Э. Багдасаряна 6.05.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/ (дата обращения 25.05.2015.)

17. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке//Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

18. Griffin R. Fascism. Volume V: Post-War Fascisms. – London, 2004.

19. Национальная идея России. В 6 т. Т. III. – М.: Научный эксперт, 2012, – С. 1524–1527.

20. Андреев И.Л. Современные представления о человеческом сознании. Материалы научного семинара. – Вып. №4. – М.: Научный эксперт, 2012. – 176 с.